

М. П. ДРАГОМАНОВ

**Динамитно-анархическая эпидемия
и самоуправление**

I

Несмотря на то, что Россия и Западная Европа находятся в разных политических возможностях, соседство их производит, однако же, то, что обе половины нашего материка оказывают друг на друга весьма сильное, хотя и неравное влияние. <...>

Аграрные и политические убийства в Ирландии, динамитные взрывы во Франции, взрыв в Лондоне и т. п. подали повод российским политическим реакционерам кричать о динамитно-анархической эпидемии, которая-де обняла весь мир и от которой-де не только не застрахованы страны с самыми либеральными конституциями, но которой развитие эти конституции собственно будто бы и способствуют. Затем репрессивные меры, которыми власти разных государств западной Европы ответили или которые известные партии в западной Европе даже только проектировали против явлений тамошнего терроризма (меры либеральнейшие, сравнительно с российским даже обычным положением), нашими реакционерами выставляются как намерение благоразумных людей в западной Европе проститься с «игрой в либерализм» и вернуться к тем спасительным учреждениям, которые, благодаря Провидению, сохранились в российской монархии. Время ли теперь говорить «о правовом порядке», восклицают какие-нибудь «Моск. вед.», среди радостного танца всей российской опричнины. <...>

Подобные извращения западноевропейской общественной борьбы, умышленные или невольные, — но всегда при пособии царской цензуры, — уже дорого обошлись развитию политической мысли в России, особенно в среде молодежи в конце 60-х

и в начале 70-х годов (во время Интернационала и Парижской Коммуны); и теперь они угрожают принести новый вред, а потому требуют особенного противодействия со стороны тех, кто поставил себе на настоящее время главной целью агитацию в пользу установления в России политической свободы и самоуправления.

Попробуем же прежде всего разобраться в явлениях, которые называют динамитно-анархической эпидемией в разных странах западной Европы. <...>

II

Обращаясь к рассмотрению явлений так называемой динамитно-анархической эпидемии в южной Франции, мы должны прежде всего постараться разорять хоть несколько туман относительно слова — анархия, существующий в массе публики, столько же благодаря реакционным истолкователям новейшего социалистического движения, сколько и некоторым из теперешних социальных революционеров, присваивающим себе имя анархистов. Реакционеры, напр., называют безразлично всех социалистов анархистами <...>. По словам реакционных журналов, как русских, так и заграничных, выходит, что и русские «террористы-народновольцы», — сторонники политической централизации, — тоже анархисты. С другой стороны, некоторые сторонники приложения динамитного террора в социальной борьбе в западной Европе, видя, что эти русские народновольцы употребляют динамит и политическая убийства для своих целей, тоже провозглашают их своими единомышленниками, анархистами. Вместе с тем некоторые западные анархисты-динамитчики выводят свою родословную от Прудона. Между тем Прудоново учение об анархии не имеет ничего общего ни с русским народновольством, ни с тем учением социалистического терроризма, которое некоторые публицисты и ораторы пробовали излагать и на французском языке. Со старым французским политическим «народновольством», или якобинством, Прудон боролся изо всех сил всю свою жизнь, да и новейший социалистический терроризм, принимаемый многими за анархизм, опять-таки гораздо ближе не к Прудону, а к той помеси якобинства с социализмом, которая представлялась в свое время Бланки и которая, далекая от учения об *анархии* или *без-властии*, потому только постоянно проповедовала нападения на существующие власти, что сама желала захватить власть в свои руки.

Прудонovo учение об ан-архии, в отличие от монархии, пан-архии, или коммунизма, и демократии (унитарной), высказанное бегло еще в 1840 г. в мемуаре «*Qu'est-ce que la propriété?*», обстоятельно изложено им в книге «*Du principe fédératif*». Здесь Прудон переводил слово ан-архия словом *self-government*, самоуправление. Практическое осуществление этого самоуправления, примирение начал авторитета и свободы, Прудон видел (при личной свободе) в федерации коммун, кантонов и провинций, весьма подходящей к швейцарскому политическому строю, основы которого, федеральный договор 1848 г., Прудон часто цитирует для пояснения своих идей. Как социалист, Прудон только дополняет чисто-политическое швейцарское самоуправление планами федерации экономической, землевладельческо-промышленной. Как теоретический противник коммунизма с его «нераздельностью власти, как и в монархии», и как практически человек и француз, т. е. сын страны, в которой большинство рабочего населения — крестьяне-собственники, Прудон представлял себе экономические федерации в виде организации взаимного обеспечения, кредита, страхования, исполнения подрядов на общественные нужды союзами рабочих и т. д. Этот *mutualisme* и *garantisme politico-économique* Прудон считал осуществимым только в политической федерации и высшим выражением федерализма. Понимая слово революция в широком смысле прогрессивного движения (собственно эволюция), Прудон вовсе не настаивал непременно на насильственном разрушении теперешних государств и теперешнего экономического порядка и говорил, в конце первой части названной книги, следующее: «Все мои экономические идеи могут резюмироваться в трех словах: *федерация земледельческо-промышленная*. Все мои идеи политические сводятся к подобной же формуле: *федерация политическая или децентрализация*. И так как я не делаю из моих идей орудий партии, ни средства для удовлетворения личного самолюбия, то все мои надежды от настоящего и будущего выражаются в третьем термине, соответственном первым двум: *федерация прогрессивная*»*.

* Да, собственно понятие об ан-архии, как о без-власти, и исключает *принципальный культ* революции как насильственного переворота, так как последний неизбежно предполагает захват и сохранение власти известным меньшинством (пускай и передовым); большинство же в насилие не нуждается, а просто устраивается, как хочет; осуществление же

Идеи Прудона подхвачены были, между прочим, и Бакуниным, который с большим талантом развивал их, особенно отрицательную их часть (критику больших централизованных государств) и прикладывал их к делам стран, которых мало касался Прудон, германских и славянских (смотри между прочим многие места в книге на русском языке «Государственность и Анархия»). Но Бакунин присоединил к учению Прудона множество таких вещей, которые самому Прудону показались бы дикими и которые таки и были дикими, в прямом смысле слова, т. е. варварскими. На беду, с Бакуниным судьба сыграла странную игру: потому ли, что он был более оратор, чем писатель, или по чему другому, но к его последователям прививались не столько его основы, сколько их гарнитура, не столько идеи, сколько восклицания, а потому больше слабости, чем здоровые стороны его проповеди*. Большую же часть слабостей и дикостей, привнесенных Бакуниным в Прудоново учение и привитых им, как зараза, даже к некоторым социально-политическим кружкам Западной Европы, талантливый агитатор вынес именно из России,

и сохранение социалистического идеала немислимы без проникновения им большинства, почему собственно социалист и не может иметь *культу* революции, который имели старые *государственные* деятели, и в этом отношении он неизбежно является ан-архистом. Таким образом, учение об анархии и политики отвечает учению об эволюции в естествознании и социологии, как учение о мон-архии отвечало религиозному единобожию (с чудесами в природе) и учение о революции — философскому деизму (с катаклизмами в природе). Само собою, что теория эволюционная не исключает в крайних случаях восстания против прямого насилия, которое проявляется преимущественно в области *политики* со стороны государственной власти.

- * Пишущий это имел уже случай заметить, как мало оставили по себе следов в русских революционных кружках федеративным и антиобрусительные идеи Бакунина («Историческая Польша и Великорусская демократия»). А между тем русофильское народничество Бакунина, вроде возведения Стеньки Разина, Пугачева и даже современных русских разбойников в социальные революционеры, которые даже будто бы получше понимали дело, чем С.-Симоны и Луи Вланы, и анти-культурные выходы его против «буржуазно-казенных» наук и школ пустили по себе глубокие и гибельные корни в России и высказывались даже его соперниками (см. «Вперед», т. I, о Пугачеве или финал «Хитрой Механики» о школах). О последнем мы говорили между прочим в «Громаде», т. IV, 203—212. Указание это мы считаем нужным сделать ввиду тех рецензентов — исказителей наших статей «Историческая Польша» и пр., которые приписывают нам «поклонение Бакунину», тогда как мы только отдаем ему должное.

как из страны, политический строй которой всего более далек от Прудонова идеала самоуправления.

Деспотизм и централизация в России не дают местным людям с политическими наклонностями никакой школы, которая бы приучала их подчинять инстинкты, порывы и страсти рассуждению и системе. Отсюда, прежде всего, происходит у активных русских натур наклонность к крайностям и затем противоречивость самим себе часто почти в одно и то же время. Обращаясь к политическим теориям Бакунина, мы видим, что он в сибирский свой период (см. письмо его, напечатанное в 54 и 55 «Вольн. слова»¹) и даже недалеко отходит от этой теории в брошюре «Народное Дело. Романов, Пугачев, или Пестель?» (Лондон, 1862). Немного спустя, Бакунин кидается в полное отрицание всякой политической организации, называемой им государственностью, сохраняя, впрочем, прежнее преклонение перед железной диктатурой в проведении в устраиваемые им анархические тайные общества всемирной социальной революции принципа тайной диктатуры, как это доказано в изданной против него партией К. Маркса в Интернационале, впрочем, местами пристрастной, брошюре, *L'Alliance de la démocratique socialiste etc.* (Londres 1873)*. Бакунин превратил Прудонову анархически-федеративную теорию в какой-то социально-революционный буддизм и, пуская в ход приемы своей старинной гегельянской аргументации, придавал ей какой-то мифологический характер в русско-раскольническом духе.

У него три гегельянские категории: тезис, антитезис и синтез представлялись в виде трех совершенно отдельных реальных явлений, олицетворение которых, право, напоминает раскольническое превращение идеи об «аллилуя» в «Аллилуеву жену милосердную». По Бакунину, существующей положительный порядок сначала должен быть отвергнут и весь разрушен, а как

* Оригинальный отголосок прежнего предпочтения самодержавия парламентаризму сохранился у Бакунина в его анархический период в заявлениях, которые были очень в ходу у русских революционеров до недавнего времени, напр., что «конституционный или даже республиканский либерализм, пожалуй, еще более пагубен для народа, чем даже настоящее чиновничье управление» («Постановка революционного вопроса»). Кстати будет напомнить, что один из близких к Бакунину людей любил повторять фразу, по всей вероятности, принадлежащую учителю: «Демократия — худшая из всех партий».

«полное разрушение не совместимо с созиданием и потому должно быть исключительно, абсолютно, едино», то «данное поколение должно разрушать все существующее сплеча, без разбора, с единым соображением — “скорее и больше”! Для разрушения всего более пригодна «революционная страсть и даже все так называемые теперь дурные страсти». Иногда Бакунин, впрочем, пускался в изложение положительных планов организации революционной и послереволюционной, но эти планы рисовались ему так сбивчиво, что его противники замечали ему, что он в сущности восстанавливает разрушенное же, или же ничего не восстанавливает, или доходит до абсурдов вроде *les barricades en permanence!*² Во всяком случае надежды, которые подавал Бакунин на то, как вырастет новый порядок после всеобщего разрушения из «аморфизма», отличаются крайне мистической, истинно буддийской неясностью, превосходящей даже фразеологию московских славянофилов, которых вообще Бакунин и русские революционеры очень часто напоминают. Проповедник ан-архии, т. е. прежде всего, казалось бы, личной свободы, повелевал своим ученикам отказаться «от личной инициативы и подчиниться коллективной мысли народа и его непосредственному вдохновению, принять душу народную, утопиться в народе, не хлопоча о науке, которой их» будто бы «хотят связать и обессилить» и которая должна погибнуть вместе с старым миром. Наука же новая (т. е., значит, и мысль о новой общественной организации) народится как-то потом после победы народа, из освобожденной жизни народа». (См., кроме назв. «Начала революции», «Несколько слов к молодым братьям в России», «Наука и насущное революционное дело», «Всесветный революционный союз социал-демократии», а равно выдержки из речей и писем в брошюре «L'Alliance de la démocratie socialiste» и проч.; см. также «К русским революционерам, № 1, издание Революционной общины русских анархистов», компиляция прокламаций Бакунина и тайной программы Альянса.)

Если своею энергией и ораторским талантом Бакунин много способствовал распространению в разных странах Европы общих формул социализма, то несомненно, что выше очерченной формулировкой анархизма, а также русскими антикультурными к ней примесями, вроде осуждения науки и идеализации разбойников, он внес большую смуту в умы европейских социалистов и сильно помешал организации рабочего движения в тех странах, на кото-

рые он имел особенное влияние, а именно в странах романских*. Все же разрушительные планы Бакунина разбились здесь именно о самоуправление, как бы оно ни было несовершенно в некоторых из этих стран. Для доказательства сказанного пришлось бы писать особую статью, да и не одну, но мы ограничимся только самым беглым обзором влияния идей Бакунина и его русских последователей на социальное движение в Швейцарии, где они нашли себе поле сеяния преимущественно в так называемой Юрской федерации, т. е. союзе социалистических кружков в населении городков по Юре.

В Швейцарии пропаганда социализма началась еще с 1848 г. Полная свобода сходов и общества давала для этой пропаганды большой простор, а значительное количество рабочих товариществ всякого рода представляло для нее естественную почву. Существование во многих местах общинного и кантонального землевладения и развитие мелкой собственности, при самоуправлении общин и кантонов, указывало на необходимость и возможность практических опытов социализма в форме мютуэлизма. Уже перед появлением Интернационала в Швейцарии насчитывалось немало социалистических обществ, а еще более многочисленны были здесь кадры для образования большой рабочей партии. При вести об Интернационале, которого первые конгрессы (1866 до 1867) собирались в Женеве и Лозанне, многие швейцарские общества рабочих заявили желание присоединиться к нему. Но вот в 1868 г. появляется в Швейцарии Интернационал в Интернационале, Alliance de la démocratie socialiste, основанный Бакуниным и меньшинством, вышедшим вместе с ним из Лиги Мира и Свободы (заметим, все люди *свободных* профессий), в двух видах: явном, федеральном, и тайном, диктаториальном, и начинает подчинять своему влиянию швейцарские рабочие общества,

* Едва ли тоже, но за русские национальные черты следует счесть и тот безмерный дух личного самолюбия, поклонения авторитетам и потом ниспровержения их, личной и кружковой мелочности и интриганства, наконец, драчливости, чем всем отличалась русская эмиграция в Швейцарии, как сторонники, так и противники анархизма, и что все вносило большую смуту в ряды интернационалистов в Швейцарии, среди которых русские, благодаря их горячности, известному образованию и литературности, заняли видное место, и что всё, наконец, сильно опротивело работникам-швейцарцам и оттолкнуло их от Интернационала. Заметим, что даже все эти клички: «бакунисты», «утицы», «лавристы» и т. п. ужасно напоминают: «филипинов», «федосеевцев», «акулиновцев» и т. д.

почти исключительно, впрочем, в романской Швейцарии. Альянс начинает проводить среди рабочих свою теорию социальной революции, начинаемой с уничтожения государств*, выставляя, впрочем, изложенную выше теорию аморфизма не сразу, а в известной постепенности. Так как в Швейцарии, по многим причинам, между прочим, и вследствие тамошней широкой свободы и самоуправления, бакунистам трудновато было пустить в практику попытки разрушения государства посредством восстания (интересно, что женевский комитет отправил в 1868 г. составленную Бакуниным прокламацию к рабочим в Испании, в которой говорил: «Испанские братья, сделайте социальную революцию; начните сегодня, а мы сделаем ее завтра», то здесь налегли на другой способ уничтожения государства, вполне отвечающий русскому раскольническому «бегунству от Антихристового царства»: «на воздержание от всякого участия в политической жизни своей страны и ее представительных собраний, кантональных и даже коммунальных»**.

Это воздержание тоже возводят к Прудону, который действительно посоветовал французской демократии во время выборов 1863 г. воздержание в виде подачи белых бюллетеней, потому что находил условия выборов, установленные бонапартовским правительством, невозможными для демократии, между прочим, по отсутствию свободы печати, естественных округов, свободных коммун, провинций и т. п. (см. *Oeuvres complètes*, XVI «*Les démocrates assermentés et les réfractaires*»), но никогда не думал проповедовать воздержание от политики как общий принцип. Бакунин еще в 1868 г. писал в парижском журнале «*La Démocratie*», что «политическое воздержание есть глупость, выдуманная плутами для обмана идиотов», но скоро потом сделался горячим проповедником этого воздержания. Неудачи в избирательной кампании, какие потерпели малоопытные еще интернационалисты в Юре и в Женеве в 1868–1869 гг. и которых причины длинно было бы разбирать здесь, приготовили поле для этой проповеди, которая окончательно довела швейцарских социалистов до разделения и ссор и сильно способствовала

* Т. е., в крайнем случае, с конца!

** За подробностями отсылаем любопытных к книге «*Testus — Livre bleu de l'Internationale*», к упомянутой уже брошюре «*L'Alliance de la démocratie socialiste*» и к «*Memoire présenté par la fédération jurassienne*» etc., 1873.

распадению швейцарских секций Интернационала*. Правда, на первых порах бакунисты (на конгрессе Романском 1870 г., на котором совершилось окончательное распадение швейцарского Интернационала) порешили, вместо участия в политике кантонов и коммун, заняться организацией федерации союзов ремесленных (*corps de métiers*)³, но так как с их радикальнейшей точки зрения все мелкие, будничные дела, которыми обыкновенно занимаются эти союзы (кооперация, кассы сопротивления, профессиональное образование и проч.), — вздор при ожидании всеобщего разрушения существующего строя, то понятно, что и это намерение осталось на бумаге. В стране самоуправления и почти ежегодного действия поголовной подачи голосов анархисты-абстенционисты скоро обратились в маленькую секту своего рода столпников, которых даже существование масса рабочих постепенно стала забывать. <...>

Гильом начал ряд бегств из бакунинско-юрского анархизма; спустя известное время за ним последовали французы: Гед, перешедший в марксизм и недавно ставивший свою кандидатуру в палату, Б. Малон и Брусс, приставшие к более федеральной, но все же политически-активной «рабочей партии», которая приняла в себя многих анархистов по Прудону; итальянцы: Коста, теперь депутат, выбранный коалицией социалистов и радикалов, а, наконец, и Кафьеро, дольше всех остававшийся верным юрскому бегунству и бунтарству.

Между тем отечество Бакунина повлияло на европейский запад новыми порождениями своей жизни. Политический деспотизм русского правительства, в своем роде столь же невыносимый, как и ирландская аграрная система, породил в России целый ряд убийств, которые некоторые русские стали было возводить в теорию нового способа социально-политической борьбы**. И факты, и теория этого русского терроризма нашли

* Заметим, что особым усердием в пользу «воздержания» отличались ораторы и публицисты русские и французские, которые, как эмигранты в Швейцарии, были уже абстенционисты поневоле.

** От этой теории, высказанной, между прочим, в брошюрах гг. Тарновского и Морозова, а раньше в письмах, читанных в процессе нескольких русских эмигрантов в Берлине и оказавших очень большую услугу Бисмарку, — русские террористы «народновольцы» отреклись потом в речах Желябова и Суханова и в заявлении по поводу смерти Гарфильда, но, к сожалению, слишком поздно⁴.

себе отголосок в других странах материка Европы, в покушениях Геделя и Нобилинга, Пассананте. Первые два покушения дали повод Бисмарку навязать германскому парламенту закон против социалистов. Этот закон оказался особенно на руку тем социалистам, которые относились отрицательно к участию рабочих в политической жизни, между прочим, и сторонникам «пропаганды действием» (*par les faits*) или «парлефетизма», и привлек на их сторону часть из германских социалистов, вынужденных эмигрировать, — Моста и др. В Швейцарии журнал «*l'Avantgarde*», заменивший «*Bulletin de la Fédération Juiassienne*», написал несколько заметок в пользу царубийств, хотя здесь еще меньше, чем в Германии или Италии, можно было понять значение царубийств для рабочего вопроса. Впрочем, автором статей «*Avant-garde*», вызвавших судебное преследование, оказался не швейцарец и не рабочий, а француз, медик Брусс, который затем, по отбытии судебного процесса и ареста, возвратился во Францию, где, как сказано выше, и отделился от новой анархической партии.

Место «*l'Avant-garde*» в Швейцарии занял «*Le Révolté*», который стал вести пропаганду в пользу нового анархизма с большей ловкостью, чем «*l'Avant-garde*», и даже с достаточной хитростью: излагая по-своему антигосударственные доктрины, он избегал высказывать общие положения террористического учения; называл русских террористов своими друзьями, но скрывал от своей публики, что они вовсе не анархисты и не абстенционисты, а «государственники» и «политики»*. Во всяком случае, если эта ловкость помогала «*Le Révolté*» избегать судебных преследований, то вся совокупность его содержания вовсе не приобрела ему сторонников в Швейцарии. С тех пор, как руководство социалистическим движением в романской Швейцарии перешло к «*Le Révolté*», не только новая анархия, но даже всякое социалистическое движение не только в Женеве, но и в Юре

* Также точно скрыл *Révolté* от европейских единомышленников, что в чигиринском деле русские парлефетисты, бунтари, действовали от имени царя. Впрочем, этого не сообщил европейской публике даже автор интересной книги «*La Russia Sotteranea*», редактор «*Земли и воли*», несмотря на то, что чигиринское самозванство было расхвалено в этой газете, как *chef d'œuvre* народничества, в статье, сильно напоминающей очерченные выше бакунинские прокламации. Заметим, однако, что обман народа сам Б-н [Бакунин] печатно осудил («*Госуд. и анархия*», приб. А, стр. 13).

совсем замерло, и последние конгрессы юрской федерации можно считать собраниями нескольких приятелей-отшельников, отправляющих обязательный обряд, неинтересный далее и самим отшельникам (см. отчет в «Вольном слове» № 42 «Два конгресса»). Теперь в Швейцарии социализм, несомненно зарезанный здесь иностранцами — русскими и французами, воспытававшимися при порядках, столь несходных с швейцарским самоуправлением, ждет себе более подходящих к местной жизни организаторов! Парлефетизма же, а особенно терроризма на деле, тут нет и признаков.

Новый террористический анархизм нашел себе гораздо более adeptов во Франции, где особенно в 1880 г. целый ряд журналов и ораторов на сходках стал восхвалять русских «нигилистов» и террористов, ставя их как пример социальным революционерам во всем цивилизованном мире. Но замечательны при этом два обстоятельства: первое, что между этими французскими террористами значительный процент составили вовсе не анархисты школы Прудона, а именно adeptы противников последнего: социалистические, а часто и просто политические якобинцы, — собственно сторонники конспирационной и революционной диктатуры, — а, второе, что здесь в числе самых горячих восхвалителей «русских нигилистов» и «пропаганды динамитом» оказались прямые агенты-провокаторы (см., например, разоблачения Рошфора относительно состава редакции «La Révolution Sociale», из которой пишущий это сам получил после 1/13 марта 1881 г. приветствие для «русских нигилистов» и данные лионского процесса).

Долго французский терроризм оставался на словах, но, наконец, в прошлом году последовали взрывы в Монсо-ле-Мнн и в Лионе, и в последнем нелепейший взрыв в кафе Белькур⁵, столь возмутивший общественное мнение во всем мире и — характерно! — прославленный только в русской женеvской газете «Правда», от которой отреклась русская эмиграция в Женеве*. Взрывы эти были главным поводом к недавнему лионскому процессу так называемых анархистов, в котором участвовал

* Небезынтересно будет заметить, что русские эмигранты в Женеве собирались заявить свое несочувствие к фактам взрывов во Франции, причем в пользу подобного заявления высказывались наиболее известные между этими эмигрантами. Дело остановилось гораздо более вследствие известной русской мешкотности, чем вследствие принципиального разногласия.

и русский кн. Кропоткин. И что же? Процесс этот показал, что даже в стране с столь еще несовершенным самоуправлением, как Франция, существование динамитно-анархической партии невозможно.

Подсудимые представили коллективную декларацию, которая была отпечатана журналами всего цивилизованного мира (мы жалеем, что место не позволяет нам привести ее здесь). В речах своих и в декларации этой они заявили себя социалистами и анархистами. Но собственно в декларации социализма почти совсем не видно, так как в ней совсем не развиты мысли об экономической организации, как это хорошо показали немецкие социалистические газеты. Больше всего налегали декларанты на политическую сторону своего учения, выставляя себя сторонниками безграничной свободы для каждого, хотя опять-таки форм общественной жизни, основанной на этой свободе, не на чертали. Во всяком случае весь их анархизм не представляет ничего более опасного, чем всякое учение о свободе, братстве, любви к ближнему и т. п. Многие из подсудимых называли себя революционерами, говорили даже о предстоящей в близком будущем (по кн. Кропоткину через 10 лет) общей социальной революции, но они не провозгласили в коллективной декларации прямо учения о праве всякого лица или меньшинства на вооруженное нападение на существующий политический и социальный строй, признанный большинством, — а только такое учение и включает в себе что-либо опасное для цивилизованного общества (конечно, такого, в котором существует известный простор для мирного действия к изменению общественного строя). Затем, ни один из подсудимых не оказался фактически прикосновенным к происшедшим во Франции взрывам, каковы бы ни были те или другие фразы, сказанные кем-либо из них в журнале, на сходке или в кружке, и никто из них перед судом не высказался в пользу таких проявлений парлефетизма, как убийства, взрывы и т. п.* И лионские подсудимые оказались так мало террористами вовсе

* Один же из самых видных подсудимых, которого называли «отцом анархизма» и который сам отказывался от этой чести в пользу Прудона и Бакунина — князь Кропоткин, о террористических идеях которого было столько раз говорено в консервативных и социалистических кругах, на процессе с истинно христианским незлобием приглашал даже буржуазию и судей изучать вместе с ним социальный вопрос, чтобы убедиться в неизбежности социального переворота, и сказал в заключение, что «если б я мог (такими

не по трусости, как кажется некоторым, которые сами не стояли с ними перед судом, а просто потому, что они люди, в которых страсть не ослепила здравого разума. Допустив даже, что лионские подсудимые действительно были неискренны, то и тогда остается чрезвычайно важным то, что ввиду целого общества ни один из них не счел возможным провозгласить теорию социалистическо-анархического терроризма.

Одно дело страстное, моментальное и личное раздражение и другое — общая теория, складываемая более или менее холодным размышлением. Совершенно естественно, если раздраженный представителем крайнего политического или экономического гнета индивидуум убивает этого представителя; особенно такого, который непосредственно его давит. Каждый мыслящий человек *простит* такой поступок или найдет для него смягчающие обстоятельства, если он призван быть судьей поступка, и постарается устранить вызвавшие поступок причины, если он политический деятель. Совершенно понятно, если в известных общественных кругах и в Западной Европе ходят и рассуждения в таком роде: капиталист обкрадывает меня ежедневно на рабочей плате, убивает меня и семью мою медленно этим обкрадыванием и непосильною работою, — так и я тем более имею право «свое отобрать» у него, или разрушить это «моё», — его юридическую собственность, или убить сразу моего медленного убийцу и т. п., и т. п. Такое рассуждение даже совершенно верно как индивидуальное соображение; оно только ровно никуда не годится как социальная идея, ибо социальная идея становится только тогда, когда она сохраняет смысл, будучи приложена как общее правило. Если же принять общим правилом, что всякий может отнимать то, что ему кажется своим, и убивать всякого, кто ему представляется его прямым или косвенным убийцей, тогда общество перестанет существовать. Индивидуально-насильственная расправа есть факт, с которого человечество начало и от которого оно уходит постепенно к высшему порядку — всеобщего соглашения. Вот почему человечество относится с ужасом не только к индивидуальной расправе, но и к гражданской войне (конечно, в обществах, где есть какая-либо свобода) и даже начинает ужасаться войны международной. Признание же правильным приведенного

советами) предупредить пролитие нескольких капель крови — ах! я мог бы умереть в глубине тюрьмы, умереть удовлетворенным!»

соображения было бы равносильно признанию войны каждого и всех против всех и каждого, и сильно ошибся бы тот, кто бы подумал, что эта война осталась бы орудием только одного общественного элемента, например, пролетариата, а равно напрасно бы кто ожидал, что сами сторонники этого пролетариата не разделились бы на враждебные лагеря, которые сами не начали бы вести взаимно-истребительную войну. Ведь и прошлая история политических убийств и так называемых «народных расправ» научает нас, что убиение «тиранов и нечестивцев», пороховые заговоры и адские машины проповедовались и практиковались реакционерами, например, иезуитами, с большим еще усердием, чем прогрессистами, и что прогрессисты времен французской революции, начав, во имя самодержавного народа, расправы с врагами свободы, кончили взаимным истреблением. Что же настало бы, если б современные общества приложили теорию расправы самодержавной личности к широким и сложным областям социально-экономических отношений и к борьбе за их преобразование?! Не остались ли бы в накладе именно сторонники пролетариата и особенно проповедники автономии личности, ан-архисты?

В настоящее время в западноевропейских странах, вроде Франции, всякое, даже открытое (честное) вооруженное восстание с социалистическими целями было бы очень вредно для интересов пролетариата, так как крестьяне еще вовсе не подготовлены к идеалам коллективизма и приняли бы сторону или так или иначе поддержали бы консерваторов и реакционеров. Усвоение же социалистами программы динамитно-кинжального парлефетизма и анархической расправы повело бы к приложению против них такой государственной и волонтерской расправы, при которой, благодаря теперешнему разделению богатства и силы между разными общественными элементами, социалистам пришлось бы куда хуже, чем их противникам.

Мы не станем, конечно, навязывать этих наших соображений лионским подсудимым, которые, быть может, или даже наверно, отвергли бы всю нашу вышеизложенную аргументацию в ее целом. Но нечто подобное ее сущности должно было представляться умам их, когда они, излагая свои политико-социальные идеи, ограничились заявлением своих общих гуманитарно-коллективистических и либеральных идей и воздержались от заявления каких бы то ни было не только террористических, но и сколь-

ко-нибудь конкретных революционных положений, каковое воздержание и служит нам, в числе других аналогических явлений, основанием утверждать, *что никакой партии социалистического терроризма во Французской республике теперь нет.*

Конечно, у французов еще не исчезли привычки, развившиеся в долгие периоды всяческой диктатуры, а в частности у французских рабочих не прошло еще раздражение, оставленное бонапартовским режимом и последующим за ним усмирением парижской Коммуны; конечно, также социально-экономическая эксплуатация и во Франции способна выбывать частные случаи мести, в которых могут играть роль и динамитные картуши; наконец, и на французов должна влиять зараза ирландского и русского терроризма; но пока Франция не будет доведена в национально-социальном отношении до положения Ирландии, а в политическом — России, до тех пор опасности образования в ней парии систематическая терроризма, динамитного парлефетизма и т. п. и не может быть. Развитие же политической свободы и самоуправления, все же подвигающееся вперед в последние годы во Франции, дает здесь все более естественных кадров, в которые законно укладывается движение к экономической эмансипации пролетариата. Не беремся предсказывать детали будущего, но пока мы видим, что даже нынешнее, далеко не либеральное и не радикальное, министерство Французской республики, ввиду разнообразной агитации среди рабочего класса (агитации, которая подробно рассматривается у нас в статьях г. Жебунёва⁶, делает уступки требованиям организованных рабочих групп, по вопросу о рабочих синдикатах, о предоставлении государством и муниципиями подрядов рабочим ассоциациям и т. п.

Какие же основания имеют известные отечественные политические философы реакционного и социально-революционного лагеря говорить, будто Франция «русееет» в ее политической системе и в способах социалистической агитации и будто она доказывает несовместимость политической свободы и самоуправления то с земским миром, то с интересами пролетариата?

